

ПОНЯТИЕ ПРЕЗУМПЦИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

Возросший за последние годы интерес к семантике существенно расширил доступные лингвистике сферы анализа языка и одновременно сделал более естественным использование в лингвистике идей и понятий, впервые выдвинутых в логике. Одним из понятий, которое возникло в рамках логического анализа языка, а потом стало использоваться в лингвистической семантике, является понятие презумпции — ср. нем. термин *Voraussetzung*, англ. *presupposition*¹.

§ 1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПРЕЗУМПЦИЯ

Понятие презумпции было впервые введено Фреге [1], а потом, спустя долгое время, подробно рассмотрено Стросоном [2]. В последние годы интерес к проблеме презумпций существенно возрос, ср. обзорные работы логического направления — Селларс [3], Ван-Фрассен [4], Нерлих [5], Кемпсон [6], — а также первые использования этого понятия в лингвистике — Дюкро [7], Беллерт [8], Филлмор [9], Лаков [10], Кипарские [II]. Существо проблематики, охватываемой этим понятием, таково².

Предложения естественного языка не являются семантически элементарными, а разлагаются на смысловые компоненты. Семантический анализ в логике (а в последнее время — и в лингвистике) выделяет в предложении в первую очередь такие смысловые компоненты, которые сами по себе могут составить предложение, т. е. компоненты сентенционального типа (предикации). Например, в предложении *Наполеон встретился с Александром в Тильзите* можно выделить два сентенциональных компонента: *Наполеон встретился с Александром*; *это было в Тильзите*. Логику интересуют прежде всего те связи между предложением и его смысловыми компонентами, которые состоят в том, что истинность суждения, соответствующего всему предложению, зависит от истинности суждений, соответствующих составляющим компонентам, поскольку конечная задача логической семантики — описание условий истинности предложений. Как известно, лингвистическая семантика, вообще говоря, не занимается истинностью предложения, а описывает их смысл, определяемый через внутриязыковую синонимию (ср. известное определение Р. Якобсона [15, с. 233]: «Значение языкового знака — это его перевод в другой знак, прежде всего в такой, в котором его значение выявлено более полно»). Оказывается, однако, что даже приняв, что истинность целых предложений не входит в компетенцию лингвистики, лингвист не может полностью отвлечься от вопроса об истинности суждений, составляющих смысловые компоненты предложений, поскольку истинность или ложность этих суждений в некоторых случаях обуславливает не истинность, а осмысленность предложения в целом (а иногда и его грамматическую правильность), его способность к синонимическим преобразованиям и другие заведомо существенные семантические свойства. Рассмотрим, например, следующие предложения:

(1) [?] *Иван знает, что Нью-Йорк — столица США*³;

(2) [?] *Человек которому удалось построить перпетуум мобиле, был самоучкой*;

¹ Перевод этих терминов на русский язык не вполне устоялся. Мы отдаем предпочтение термину «презумпция», поскольку он давно использовался в русской логической литературе — например, в сочетаниях *презумпция существования*, *презумпция единственности*, — именно в качестве эквивалента для английского *presupposition*. Однако во многих работах, например, в [12], используется калька *presupposition* — *пресуппозиция*.

² Литература, посвященная понятию презумпции, весьма обширна, и данный обзор имеет целью лишь отразить принципиальные аспекты проблемы, не претендуя на полноту в библиографическом отношении.

³ Здесь и ниже [?] — знак семантической аномальности.

(3) ? *Суданские негры еще выше, чем пигмеи.*

Эти предложения очевидным образом аномальны. Их аномалия состоит, в частности, в том, что они не являются ни истинными, ни ложными. Действительно, отрицание ложного предложения дает истинное; между тем предложения (1), (2) при отрицании дают предложения в той же степени аномальные⁴:

(1') ? *Иван не знает, что Нью-Йорк — столица США;*

(2'□) ? *Человек, которому удалось построить перпетуум мобиле, не был самоучкой.*

Источник аномальности этих предложений легко обнаружить, причем — несмотря на внешние различия предложений (1) — (3) — он во всех трех предложениях один и тот же; это ложность некоторых компонентов в их семантической структуре:

(1'') *Нью-Йорк — столица США;*

(2'') *Имеется человек, которому удалось построить перпетуум мобиле;*

(3'') *Пигмеи высокого роста.*

Из рассмотрения явлений такого рода возникает следующее понятие презумпции:

Определение 1. Предложение P является презумпцией предложения S , если ложность P влечет семантическую аномальность S (или иначе: если истинность P является необходимым условием семантической нормальности S).

В соответствии с этим определением мы можем дать следующее объяснение аномальности предложений (1) — (3): предложения (1) — (3) аномальны потому, что они имеют ложные презумпции.

Кроме презумпций, компонентами смысла предложения являются его утверждения. Утверждения могут быть истинными или ложными, и это не делает предложение аномальным. Так, в (1) — (3) утверждениями будут, соответственно, *Иван знает нечто; Некоторый человек был самоучкой; Суданские негры выше, чем пигмеи.*

Определение 1 соответствует тому понятию презумпции, которое выявляется из упоминавшихся работ Фреге и Стросона. В более поздних работах определение 1 подверглось модификации, которую можно описать следующим образом (см. Ван-Фрассен, [4]). В соответствии с определением 1, истинность презумпции P является обязательным условием семантической нормальности предложения (т. е., в логических терминах, следует из нормальности S). Если принять, что семантическая нормальность означает, для утвердительного предложения, что предложение S либо истинно, либо ложно, то в таком случае P есть презумпция S , если (\supset — знак импликации, «следует»):

ИСТИННО (S) \supset ИСТИННО (P),

ЛОЖНО (S) \supset ИСТИННО (P).

Далее, поскольку ЛОЖНО (S) = ИСТИННО ($\neg S$), формулировку можно изменить (\neg — знак отрицания, «неверно»):

ИСТИННО (S) \supset ИСТИННО (P),

ИСТИННО ($\neg S$) \supset ИСТИННО (P),

откуда следует, что P есть презумпция S , если

$S \supset P$

$\neg S \supset P$

В результате мы получаем несколько иное определение понятия презумпции (Ван-Фрассен [4], Карттунен [16], Кинан [17] и др.):

⁴ Предложение (3) не может быть подвергнуто этому тесту, поскольку оно (как, впрочем, и «правильные» предложения той же структуры — например, (3) *Суданские негры еще выше, чем скандинавы*) не имеет естественного отрицания, см. ниже.

Определение 2. Предложение P является презумпцией предложения S , если оно следует как из S , так и из отрицания S^5 .

Различие между презумпцией и обычным следствием состоит в том, что презумпция является следствием не только данного предложения, но и его отрицания. Так, из предложения (4) *Иван не выходит из дому* следует предложение *Иван не ходит на работу*; однако это предложение нельзя вывести из (4') *Иван выходит из дому*, следовательно, оно не является презумпцией предложения (4).

Как мы видим, определение 1 выводит понятие презумпции из понятия семантически аномального предложения, а определение 2 предполагает, что для предложения определено его отрицание.

Инвариантность презумпций относительно отрицания, выражаемая определением 2, отмечается еще у Фреге [1]. В некоторых работах неизменность презумпций при отрицании рассматривается не как определение презумпций, а как основное их свойство (например, в [18]).

Ниже следуют комментарии к определениям 1 и 2 и к их использованиям в лингвистическом анализе.

Комментарий 1. В определениях 1 и 2 презумпция считается предложением, а отношение между предложением и его презумпцией рассматривается как частный случай отношения следования. Для лингвистических применений естественнее считать презумпцию не предложением, а смыслом предложения (по терминологии Фреге — суждением), а отношение между презумпцией и предложением, имеющим данную презумпцию, — отношением «быть смысловым компонентом» (ср. Лаков [10], Карттунен [16]). Таким образом, определение 2 может быть переформулировано так: *P есть презумпция предложения S , если P является смысловым компонентом как предложения S , так и отрицания S .*

Удобно, впрочем, допускать такое словоупотребление, при котором предложение, выражающее презумпцию, само тоже называлось бы презумпцией (неразличение такого рода принято, например, в русской логической терминологии, где термин «высказывание» употребляется нерасчлененно для обозначения предложений и выражаемых ими суждений, [19]). Поэтому можно считать, что презумпцию, например, предложения (1) в равной мере допустимо записывать как «Нью-Йорк — столица США» и как *Нью-Йорк — столица США*.

С интуитивной точки зрения кажется оправдано говорить о презумпции как о следствии, поскольку презумпция — это обычно такой компонент смысла предложения, который присутствует в нем с той или иной долей неэксплицитности. Ср., например, насколько неэксплицитно выражает предложение (3) свою презумпцию (3''). Однако использовать в лингвистике понятие следования там, где это не обусловлено строгой необходимостью, едва ли целесообразно.

В содержательном отношении логическое понятие «следует» и лингвистическое «является смысловым компонентом» не так уж далеки друг от друга. Ср. в логике теорию аналитической импликации [20], где следствием данного предложения может быть только какой-то из его компонентов.

Комментарий 2. В некоторых лингвистических работах (см., например, [9], [21]) презумпция предложения определяется как факт, который должен иметь место для того, чтобы предложение было семантически нормальным. Определения 1 и 2, согласно которым презумпция — это предложение или суждение, представляются, однако, предпочтительными, поскольку позволяют не обращаться в

⁵ Вообще говоря, не обязательно считать, что осмысленное утвердительное предложение обязательно является либо истинным, либо ложным; ср., например, статью Смайли «Смысл без истинностного значения» [31], где допускается, что осмысленные предложения могут быть трех видов — истинные, ложные и не имеющие истинностного значения. В этом случае, однако, определение 2 уже нельзя будет вывести из определения 1, т. е. связь между двумя определениями утратится.

семантическом описании предложения к фактам, т. е. к объектам принципиально иного рода. В то же время указать факт, который должен иметь место для того, чтобы данное предложение было осмысленным, — это всегда то же самое, что выделить какой-то компонент в его семантическом представлении. Так, утверждение, что условием нормального употребления предложения (5) *Я надеюсь, что он придет* является тот факт, что его приход желателен, равносильно утверждению о том, что смысловой компонент 'Его приход желателен' входит в семантическое представление предложения (5).

Комментарий 3. Иногда встречаются формулировки, согласно которым ту или иную презумпцию имеет говорящий или слушающий (противопоставление «презумпция говорящего — презумпция предложения» подробно рассматривается Гарнером [22]). Поэтому следует подчеркнуть, что в определениях 1 и 2 носителями презумпций являются не говорящие, а предложения: презумпции входят в семантические представления предложений. Действительно, упоминание о говорящем в контексте определений 1 и 2 избыточно: набор презумпций данного предложения (если это предложение с определенным смыслом) однозначно определяется самим предложением, т. е. является объективным фактом его семантической структуры и не зависит от говорящего, слушающего и вообще от речевой ситуации.

Другое дело, что суждения об истинности одной и той же презумпции могут быть у разных носителей языка различны, и потому одно и то же предложение может быть для одного человека осмысленным, а для другого — нет. Так, возможно, для некоторых людей будут семантически нормальны предложения (1) — (3). Понятие презумпции позволяет охарактеризовать в общем виде условия нормальности предложения, не предопределяя его нормальность однозначно⁶.

Различные оценки истинности одного и того же предложения возможны не только из-за субъективности суждений, свойственной людям, но и из-за того, что большинство предложений, реально используемых в речи (исключая относительно небольшой класс предложений с собственными именами или кванторными словами типа *Кеплер открыл эллиптическую форму орбит небесных тел; Иван Грозный убил своего сына; Все прямые углы равны между собой*), содержат отсылки к акту речи (т. е. дейктические, или указательные, элементы) и, в силу этого, в каждом новом случае употребления в речи описывают новую ситуацию, хотя смысл предложения остается один и тот же. Например, предложение *Обед готов*, имея в разных своих употреблениях один и тот же смысл, может быть то истинным, то ложным. Соответственно, и осмысленность предложения с дейктическими элементами в презумпции непостоянна. Например, употребление предложения (6) *Моя жена — милейший человек* семантически аномально, если говорящий — женщина, поскольку в данном акте речи ложно предложение *У говорящего есть жена*, которое является презумпцией предложения (6).

Предложение может быть аномально и безотносительно к внеязыковой ситуации — если некоторые из его презумпций противоречат не устройству мира (т. е. ложны), а каким-то другим смысловым компонентам предложения. Например, сочетание *воспоминания о будущем* (пример из [23]) содержит аномальность, создаваемую нарушением презумпции о том, что вспоминать можно только о том, что было или есть, входящую в значение слова *вспоминать*. Предложение с данным сочетанием, впрочем, может быть осмыслено — за счет добавления в его семантическое представление какой-то окказиональной презумпции, например, 'Будущее — то же, что прошлое'.

⁶ На первый взгляд парадоксальным, но, тем не менее, вполне справедливым оказывается вытекающее из этих определений заключение, что человек с более богатым запасом сведений (или убеждений) имеет больше оснований отвергнуть то или иное предложение как бессмысленное в силу ложных презумпций.

Есть и другие способы «осмыслить» предложение, которое содержит ложные презумпции, — приняв допущение, что это говорящий считает данную презумпцию истинным предложением; что говорящий только делает вид, что считает данную презумпцию истинным предложением, и т. д. Однако осмысления такого рода происходят за счет разрушения нормальной ситуации общения.

Комментарий 4. Ценность определения 2 состоит в том, что оно сводит презумпцию как условие семантической нормальности предложения к понятию отрицания, т. е. к семантическому соотношению между данным предложением и соответствующим ему отрицательным. Действительно, если отрицание для данного предложения определено, то компоненты семантического представления, которые оказываются презумпциями в соответствии с определением 2, всегда будут таковыми и с точки зрения определения 1. Иначе говоря, определение 2 дает относительно формальный критерий для выявления презумпций в смысле определения 1.

Не всегда ясно, однако, какое предложение является для данного предложения *S* отрицанием. А именно, здесь возможны следующие соотношения.

1. Предложение *S* имеет соответствующее ему грамматически отрицательное; т. е. смысл ‘Неверно, что *S*’ может быть выражен добавлением в *S* отрицательной частицы (или частиц) и, быть может, какими-то сопутствующими преобразованиями, [24]; так, *Неверно, что отрезки a и b равны* = *Отрезки a и b не равны*.

2. Предложение *S* не имеет соответствующего ему грамматически отрицательного. Здесь различаются следующие случаи:

а) Смысл ‘Неверно, что *S*’ понятен, но не может быть выражен добавлением отрицания в *S*. Эта ситуация имеет место, например, для предложения (3''') *Суданские негры еще выше, чем скандинавы*, означающего ‘Скандинавы высокие <презумпция>; суданские негры выше их <утверждение>’: ‘Неверно, что (3''')’ = ‘Скандинавы высокие <презумпция>; суданские негры не выше их <утверждение>’.

б) Смысл ‘Неверно, что *S*’ неоднозначен, т. е. может быть перефразирован так: ‘То ли не *S*₁, то ли не *S*₂, то ли ни то, ни другое, причем неизвестно, что именно’. Неоднозначность возникает в том случае, если предложение *S* содержит более чем одно утверждение (т. е. конъюнкцию двух или нескольких утверждений).

в) Смысл предложения *Неверно, что S* вообще непонятен. Ср. предложение (7) *Скоро апрель, а на дворе мороз*; предложение *Неверно, что (7)* даже не допускает перефразировок.

Если отрицание предложения неоднозначно или не определено (как в пп. 2б., 2в), то определение 2 к нему неприменимо. Так, в предложении (7), согласно определению 1, имеется вполне определенная презумпция — о несоответствии соединяемых компонентов (точнее, обозначаемых ими фактов) друг другу: ‘Если скоро апрель, то, вообще говоря, не должно быть мороза’, [25]. Действительно, предложение (7'), хотя оно синтаксически подобно (7), аномальное, поскольку для компонентов предложения (7') трудно усмотреть их несоответствие друг другу: (7') ? *Скоро январь, а на дворе мороз*.

Между тем определение 2 не дает для предложения (7) никаких определенных результатов.

Комментарий 5. Классическая логика рассматривает только такие предложения, которые выражают суждения, т. е. являются, в каждом случае их естественного употребления, истинными или ложными. Между тем при лингвистическом анализе естественно понимать определение 1 таким образом, чтобы оно было применимо не только к утвердительным предложениям (выражающим суждение), но и к предложениям, содержащим вопросы, просьбы, выражения чувств и прочее. При этом, однако, определение 2 перестает быть «поддержкой» определения 1, поскольку к неутвердительным предложениям оно, как правило,

будет неприменимо; что значит, например, ‘┐ (Закрой дверь!)’ или ‘┐ (Который час?)’?

Комментарий 6. В определениях 1 и 2 различие между утверждением и презумпцией никак не связано со степенью информативности этих смысловых компонентов. Так, в соответствии с этими определениями в предложении (8) *Иванов покупал холодильник с энтузиазмом* (пример Дюкро [7]) ‘Иванов покупал холодильник’ — презумпция, независимо от того, известна ли эта информация слушателю в том или ином акте речи.

Если истинностное значение презумпции *P* неизвестно слушающему, то слушающий, как правило, принимает истинностное значение *P* за положительное — в силу исходной предпосылки об осмысленности языкового текста, которая лежит в основе взаимопонимания между людьми (см. об этом в работе Беллерт [8]).

Естественно, что самому говорящему презумпции предложения — как, впрочем, и все его содержание — должны быть известны. Поэтому предложение (9), которое гласит, что говорящему неизвестно то, что является презумпцией произносимого им предложения, аномально:

(9) [?] *Я не знаю, что Иван собирается уехать.*

Предложение (10а), где субъектом при глаголе *знать* не является говорящий, и предложение (10б) с глаголом *знать* в прош. времени, естественно, нормальны:

(10) а. *Он не знает, что Иван собирается уехать;*

б. *Я не знал, что Иван собирается уехать.*

Комментарий 7 (о презумпциях у Фреге). Фреге допускает лишь один вид презумпций — презумпции, связанные с употреблением имен и дескрипций (так называемые экзистенциальные презумпции, или презумпции существования [27]). См. [1], с. 69: «Если мы что-либо утверждаем, то всегда имеется презумпция, что все простые и сложные имена в нашем утверждении имеют денотаты». Пример Фреге: предложение (11) *Тот, кто открыл эллиптическую форму орбит небесных тел, умер в нищете* имеет презумпцию (11') *Был человек, который открыл эллиптическую форму орбит небесных тел*. Если предложение (11') ложно, то предикат в суждении (11) (*умер в нищете*) относится к сложному имени (*тот, кто открыл эллиптическую форму орбит небесных тел*), которое не имеет денотата, так что суждение (11) тоже не имеет денотата, т. е. не может быть ни истинным, ни ложным. Другой пример. Для предложения (12) *После того, как Шлезвиг-Голштейн был отторгнут от Дании, между Австрией и Пруссией возник конфликт* обязательной предпосылкой того, чтобы оно имело истинностное значение, является истинность суждения (12') *В какой-то момент времени Шлезвиг-Голштейн был отторгнут от Дании*; если человек считает предложение (12') неверным, то для него предложение (12) не будет ни истинным, ни ложным: он просто не припишет ему никакого истинностного значения, см. [1, стр. 71].

При семантическом анализе предложения Фреге часто выделяет так называемые побочные суждения; ср. [1] с. 72: «Почти всегда, как мне кажется, наряду с высказываемым нами главным суждением, в предложении имеется ряд побочных суждений, которые, хотя они эксплицитно не выражены, слушатель связывает с нашими словами в соответствии с законами психологии. И поскольку эти побочные суждения связаны с нашими словами почти так же тесно, как и само главное суждение, их тоже приходится считать выраженными в предложении. Тем самым смысл предложения становится богаче и может оказаться, что в сложном предложении простых суждений будет больше, чем простых предложений». Эти побочные суждения Фреге, однако не относит к презумпциям и отличает предложения с «неуместным освещением» (возникающие в случае ложности таких побочных суждений) от предложений, не имеющих истинностного значения.

Распространившееся понимание термина «презумпция», таким образом шире, чем у Фреге.

§ 2. ПОНЯТИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ПРЕЗУМПЦИИ

Определение 1 не полностью отражает содержание понятия презумпции в работах Фреге и Стросона; а именно, остается нерассмотренным следующий его аспект. Инвариантность презумпции относительно отрицания естественно объяснить тем, что эта часть содержания предложения как бы представляется говорящему само собой разумеющейся — а следовательно, известной слушателю. Тем самым презумпция — это элемент общего знания говорящего и слушающего, разделяемое ими убеждение. Однако это, по существу, новое понятие, определение которого уже не может быть сформулировано без обращения к акту речи. Это понятие, в противоположность семантической презумпции, задаваемой определениями 1 и 2, может быть названо прагматической презумпцией (см. Селларс [3], Сталнейкер [18], Шмерлинг [28], Хатчинсон [29]):

Определение 3. Смысловой компонент P предложения S является прагматической презумпцией S , если при нормальном употреблении S говорящий считает компонент P истинным и известным слушающему.

Таким образом, семантическая презумпция предложения S — это суждение, которое слушающий должен считать истинным, чтобы предложение S было для него осмысленным; а прагматическая презумпция — это суждение, которое для слушающего должно быть не только истинно, но и известно.

Несовпадение прагматической презумпции с семантической видно на следующем примере (см. работу [28]):

- (1) а. Он не знал \searrow , что там есть столовая;
б. Он не знал \nearrow , что там есть столовая \searrow .

Семантическая презумпция в предложениях (1а) и (1б) одна и та же: (2) *Там есть столовая*. Между тем, актуальное членение у предложений (1а) и (1б) различно (поэтому, например, (1б), в отличие от (1а), неуместно в контексте, где о столовой уже шла речь). Отличие (1б) от (1а) естественно приписать тому, что у (1б) предложение (2) составляет также и прагматическую презумпцию, а у (1а) — нет.

Другой пример: предложение (3) *Я видел только Ивана*, сказанное в ответ на вопрос *Кого ты там видел?* имеет семантическую презумпцию (3') *Я видел Ивана*; а прагматической презумпции (3'') у (3), конечно, нет.

Оговорка в определении 3 относительно нормального употребления предложения S вызвана тем, что говорящий может, вообще говоря, сознательно сдвигать акценты (ср. пример диалога, приводимый Сталнейкером [18]: — *Какая хорошенькая у тебя секретарша!* — *Да, и ее муж тоже так думает*, где действительно актуальную информацию во втором предложении содержит смысловой компонент 'У секретарши есть муж', хотя формально предложение построено так, как если бы этот компонент составлял прагматическую презумпцию, т. е. входил в сумму общих сведений говорящего и слушающего).

Незнание слушающим прагматических презумпций предложения (т. е. нарушение условий нормального употребления) встречается достаточно часто; ср. пример Карттунена [30]: предложение (3) *Он живет в третьем слева каменном доме на противоположном берегу реки* имеет прагматическую презумпцию 'На противоположном берегу реки есть по крайней мере три дома', хотя вполне может быть обращено к собеседнику, который этого не знает (ср. аналогичный пример (8) из § 1). По-видимому, употребление предложений, нарушающее прагматические презумпции, выражаемые его структурой, существенно меньше препятствует общению, чем употребление, нарушающее семантические презумпции.

§ 3. ПРИМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ ПРЕЗУМПЦИИ В СЕМАНТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Каждая презумпция «порождается» каким-то элементом предложения, т. е. входит в описание его значения. В некоторых случаях семантическое членение предложения, позволяющее разделить его на утверждения и презумпции, хорошо согласуется с его синтаксическим членением (например, в предложении *Я рад, что он вернулся* презумпция *Он вернулся* соответствует придаточному дополнительному). В других случаях смысловые компоненты предложения не находятся в однозначном соответствии с синтаксическими. Ниже приводятся примеры презумпций, разделенные (в соответствии с классификацией в работе [9]) на три группы: 1) презумпции в составе значения синтаксических конструкций и грамматических форм слов; 2) презумпции в толкованиях слов; 3) презумпции, соответствующие актуальному членению предложения.

1. Презумпции в составе значения синтаксических конструкций и грамматических форм слов

Пример 1. В предложениях с ограничительным придаточным определительным обычно есть презумпция существования объекта, обладающего тем свойством, которое задается придаточным. Этим они отличаются от предложений с описательным придаточным (которые, как известно, почти синонимичны предложениям с сочинением), где придаточному соответствует не презумпция, а отдельное утверждение, см. Фреге [1]. Ср. предложения (1) и (2):

- (1) *Я подарил ей вазу, которую она поставила на пол;*
(2) *Вазу, которую я ей подарил, она поставила на пол.*

Компонент *Я подарил ей вазу* в (1) составляет самостоятельное утверждение, а в (2) — презумпцию. Соответственно, предложение (1), в котором содержится два утверждения, не имеет однозначного отрицания, тогда как для (2) имеется грамматически отрицательное предложение (2'), имеющее смысл 'Неверно, что (2)', в котором утверждение предложения (2) отрицается, а презумпция не подвергается отрицанию [32]:

- (2') *Вазу, которую я ей подарил, она не поставила на пол.*

Следует оговорить, что в предложениях типа (2) презумпция существования, соответствующая ограничительному придаточному определительному, обусловлена не одной лишь конструкцией придаточного, как полагал Фреге, а обязательно требует контекста предиката в главном предложении, обозначающего актуальное действие. Так, в предложении (2") *Тот, кто сказал «а»* (= 'тот человек, который сказал «а»'), *должен сказать «б»* придаточному не соответствует презумпция существования. Таким образом, вопрос о том, каким компонентом предложения порождается презумпция существования в придаточном — конструкцией придаточного или подчиняющим предикатом, — остается открытым. Ср. аналогичную неопределенность в примере 5 из § 3.2 относительно того, каким компонентом предложения порождаются презумпции истинности в придаточных-дополнениях и подлежащих.

Пример 2. С каждым собственным именем связана презумпция существования соответствующего объекта (быть может, речь идет о существовании в универсуме речи, т. е. в некотором вымышленном мире, который, однако, на протяжении данного акта речи рассматривается как реальный)⁷. В контексте предиката, обозначающего действие, которое происходит в какой-то реальный момент, презумпция существования объекта связана с любой именной группой

⁷ Ср. Рейхенбах [33, с. 256]: «Синтаксическое употребление собственных имен таково, что предложение, содержащее собственное имя, предполагает (involves) существование соответствующего объекта независимо от того, является ли это предложение истинным или ложным».

(исключая квантифицированные), являющейся актантом этого предиката. Например, в семантическое представление предложения (3) входит презумпция существования двоюродной сестры говорящего и сына его двоюродной сестры:

(3) *Сын моей двоюродной сестры женился на зулуске.*

В языках с артиклями именная группа (в ед. числе) с определенным артиклем, как правило, содержит также презумпцию единственности объекта.

Пример 3. С грамматической категорией числа связана презумпция множественности объекта. Действительно, предложение (4) *Галины сыновья учатся в школе* бессмысленно (а не ложно) при условии, что у Гали, о которой идет речь, только один сын или что у нее вообще нет сыновей (тем самым, выполняется требование к презумпциям, задаваемое определением 1); с другой стороны, у предложения (4') *Галины сыновья не учатся в школе*, которое является отрицанием предложения (4), тоже имеется смысловой компонент 'У Гали есть сыновья' (так что выполняется требование к презумпциям, задаваемое определением 2).

Фактически все полнозначные (несинтаксические) грамматические категории — и категория числа, в частности, — выражают соответствующие им значения в форме презумпций, т. е. в форме, не поддающейся отрицанию, поскольку утверждение может выражать только тот компонент предложения который является предикативным.

Пример 4. В качестве простого примера презумпций, описывающих значение грамматической категории, можно привести презумпцию ложности, выражаемую сослагательным наклонением глагола в условном предложении в английском языке (ср. Морган [45]):

(5) *If Brutus hadn't persuaded Caesar to go to the senate, the conspiracy would have failed*
'Если бы Децим Брут не уговорил Цезаря прийти в сенат, заговор бы провалился'.

Человек, не знающий истории убийства Цезаря, но понимающий смысл предложения (5), получает из этого предложения информацию о том, что Брут уговорил Цезаря прийти в сенат.

В русском языке сослагательное наклонение в условном предложении выражает презумпцию ложности условия только в случае лексически или контекстно выраженной отнесенности условия к прошедшему времени:

(6) *Если бы ты вчера туда пошел, ты бы узнал много нового;*

(7) *Если бы ты туда пошел, ты бы узнал много нового.*

Предложение (7), в котором время действия не определено, имеет два смысла; в одном из своих смыслов предложение (7) синонимично предложению (7') *Если ты туда пойдешь, ты узнаешь много нового*, которое не содержит никаких презумпций относительно выполнения или невыполнения условия, соответствующего придаточному предложению; при другом понимании речь идет о действии, отнесенном к прошлому, и тогда (7) синонимично — достаточно только пренебречь различием между утверждениями и презумпциями — предложению:

(7'') *Ты туда не пошел, но если бы пошел, то узнал бы много нового.*

«Презумптивному» анализу противопоставления изъявительного и сослагательного наклонения в предложениях с придаточным дополнительным в испанском языке посвящена работа Риверо [34]. Ср. предложение (8) с сослагательным наклонением глагола *ganar* 'выиграть' и (9) с изъявительным, которые оба означают 'Гонщики не верят, что бельгиец выиграл гонку' и различаются по смыслу в точности тем, что семантическое представление предложения (8) содержит презумпцию 'Бельгиец выиграл гонку', а у (9) такой презумпции нет:

(8) *Los corredores no creen que el belga ganó la carrera;*

(9) *Los corredores no creen que el belga ganara la carrera.*

Пример 5. Противопоставление по наличию/отсутствию презумпции о том, что данный факт имеет место, допускают многие обстоятельственные конструкции. Так, предложение *Поезд не остановится из-за плохой погоды* имеет два понимания (различаемых интонационно):

а) 'Поскольку погода плохая, поезд не остановится';

б) 'Неверно, что если погода будет плохая, то поезд остановится'. Различие смыслов определяется, во-первых, различием в сфере действия отрицания, а во-вторых, наличием/отсутствием презумпции 'Имеет место плохая погода'.

2. Презумпции в толкованиях слов

Значение слова, как правило, состоит из нескольких смысловых компонентов; при этом одни компоненты значения как бы несут логическое ударение, являются в некотором смысле главными, а остальные сами собой понимаются. При отрицании предложения с семантически разложимым словом (предикативно употребленным) часто отрицаются не все компоненты его значения, а только главные; имплицитные компоненты входят в состав отрицательного предложения так же, как они входили в состав утвердительного. Таким образом, имплицитные компоненты значения слова, в соответствии с определением 2, являются презумпциями.

Различение в значении слова главных компонентов и презумпций до некоторой степени связано с различием денотативных и коннотативных аспектов значения. Как правило, из коннотативных значений преимущественное внимание уделяется экспрессивным и стилистическим коннотациям слов, хотя собственное значение термина гораздо шире, ср. английское *connotation* 'дополнительное значение', 'то, что подразумевается'. Понятие презумпции позволяет поставить описание подразумеваемого в значении слова на более точную основу.

Пример 1 [36]. Значение слова *помогать* может быть описано следующим образом: *А помогает В в С* = 'В прилагает усилия к С, а А присоединяет к ним свои'. Это описание будет, однако, неполным, если не указать, что 1-й компонент смысла 'В прилагает усилия к С' составляет презумпцию. Только после этого понятно, почему в контексте отрицания (*А не помогает В в С*) отрицается только участие А, а не тот факт, что В прилагает усилия (тем самым получает объяснение классический анаколупф *Один ничего не делает, а другой ему помогает*: презумптивный компонент второй части сочиненного предложения — 'В прилагает усилия к С' — противоречит первой его части: 'В ничего не делает').

Аналогично, предложение *Он бросил курить* означает 'Он курил и перестал <курить>', причем *Он курил* — презумпция. Поэтому *Он не бросил курить* означает 'Он курил и не перестал <курить>'. Предложение (1) *Он продолжает работать* означает: 'а) Он работал до настоящего момента; б) Он работает в настоящий момент', причем а) — презумпция. Поэтому 'Неверно, что (1)' = 'Он перестал работать', т. е. 'Он работал до настоящего момента <не обязательно вплоть до>, а в настоящий момент не работает'.

Много примеров семантического разложения слов в контексте предложения на сентенциональные компоненты приводит Фреге [1]. Так, в предложении (2) *Бebelь воображает, что возвратом Эльзаса и Лотарингии можно умерить реваншистские планы Франции* он выделяет два суждения: а) 'Бebelь думает, что возвратом Эльзаса и Лотарингии можно умерить реваншистские планы Франции'; б) 'Возвратом Эльзаса и Лотарингии нельзя умерить реваншистские планы Франции'. Из них второе является презумпцией (по определению 1).

Пример 2. Филлмор [9] утверждает, что два слова могут различаться по смыслу тем, что презумпция одного слова является утверждением в другом и наоборот, приводя в качестве примера глаголы *обвинять* и *осуждать*. Действительно, для сочетания *А обвиняет В в С* компонент *А считает, что С плохо*

— презумпция, а компонент *А считает, что В совершил/совершает С* — утверждение; а в сочетании *А осуждает В за С* компонент *В совершил/совершает С* — презумпция, а *А считает, что С плохо* — утверждение. Поэтому, например, семантические представления предложений *Профорг обвиняет /не обвиняет Ивана в поверхностном отношении к людям* оба содержат компонент ‘Профорг считает, что поверхностное отношение к людям дурно’ и различаются тем, обладает или не обладает, с точки зрения профорга, этим свойством Иван; а семантические представления предложений *Профорг осуждает /не осуждает Ивана за поверхностное отношение к людям* оба содержат один и тот же компонент ‘Иван поверхностно относится к людям’, но в одном случае это свойство считается дурным, а в другом — нет.

Пример 3. Пожалуй, наиболее важно понятие презумпции для таких слов, у которых презумпцией описывается все их значение или основная часть значения. Это, например, слова *даже, тоже, еще, уже, опять* и многие другие.

Рассмотрим фразу (3) *Ребенок уже уснул*. Одно из ее пониманий: ‘а) Ребенок должен был уснуть; б) Он уснул’, причем компонент ‘Ребенок должен был уснуть’, соответствующий значению слова *уже*, — презумпция. Чтобы получить для предложения (3) отрицательное с той же презумпцией, нужно не только добавить *не*, но и заменить *уже* на *еще*: *Неверно, что (3) (≠ Ребенок уже не уснул) = (3') Ребенок еще не уснул = ‘а) Ребенок должен был уснуть; б) Он не уснул’*. Таким образом, значение слов *уже* и *еще* в (3) и (3') описывается презумпцией, притом одной и той же.

Фраза (4) *Даже первоклассники меня поняли* имеет смысл: ‘а) Первоклассники меня поняли; б) Кто-то другой меня понял; в) От первоклассников этого труднее всего ожидать’, где компоненты б) и в) — презумпции, описывающие значение слова *даже* (ср. анализ *даже* в [37]). Для *даже*, однако, нет такого парного слова, которое позволяло бы подвергать предложение отрицанию, сохраняя в нем исходные презумпции. Поэтому (4) не имеет соответствующего грамматически отрицательного.

Для *тоже* приблизительной парой является *в отличие от*: предложение (4') *Первоклассники тоже меня поняли* имеет семантические компоненты: а) ‘Первоклассники меня поняли’; б) ‘Кто-то другой меня понял’. А *Неверно, что (4') = Первоклассники, в отличие от кого-то другого, меня не поняли*: отрицается утверждение — а), и сохраняется презумпция — б).

Презумпцией описывается также смысл слова *опять*. Рассмотрим, например, фразу (5) *Он опять поехал в Париж*. Если сказать, что она имеет смысл (5') ‘а) Он раньше ездил в Париж; б) Он поехал в Париж в настоящий момент’, то это будет неполное описание: оно годится в равной мере, например, для фразы (6) *Он не впервые поехал в Париж*, между тем (5) и (6) имеют разные смыслы. Это обнаруживается при отрицании: ‘Неверно, что (6)’ выражается предложением *Он поехал в Париж впервые*, а предложение (5) не имеет соответствующего грамматически отрицательного. Действительно, фразы (5) и (6) различаются тем, что у (6) второй компонент перефразировки (5') является презумпцией, а у (5) — первый, т. е. соответствующий смыслу слова *опять*. Предложение *Неверно, что (5)* должно иметь смысл ‘а) Он раньше ездил в Париж <презумпция>; б) В настоящий момент он не поехал <утверждение>', который нельзя выразить простым предложением.

Не следует, однако, думать, что у всех наречий и частиц смысл описывается презумпциями. Возьмем, например, слово *только*; (7) *В джазе только девушки* = ‘В джазе девушки, и больше никого нет’, причем вторая часть перефразировки, которая описывает собственно значение слова *только*, составляет не презумпцию, а утверждение [21]. Действительно, при отрицании предложения (7) первая часть перефразировки остается неизменной, а отрицается только вторая (поэтому

отрицание присоединяется к самому слову *только*: *Неверно, что (7) = В джазе не только девушки* = ‘В джазе девушки и кто-то еще’).

У слова *только* имеется второе значение, которое описывается, в отличие от первого, не утверждением, а презумпцией. Так, предложение (8) *Он весит только 50 кг* имеет смысл ‘Он весит 50 кг, и это мало’, причем ‘Это мало’ — презумпция. Поэтому *Неверно, что (8) ≠ Он весит не только 50 кг*. «Парной» лексемой для *только* в этом употреблении является *даже* см., [14]: *Неверно, что (8) ≅ Он не весит даже 50 кг* = ‘Он не весит 50 кг, а это мало’.

Та же самая презумпция ‘И это мало’ входит в состав значения слова *меньше* (в одном из его употреблений), а противоположная — ‘И это много’ — в состав значения слова *больше* (факт, обнаруженный Сепиром [38], см. также [39]):

(9) а. *Я ждал больше двух часов* = ‘Я ждал около двух часов, и это много’;

б. *Я ждал меньше двух часов* = ‘Я ждал около двух часов, и это мало’;

(10) *Собрано более двух миллионов пудов хлеба ≠ Собрано менее трех миллионов пудов хлеба*.

Присоединение частицы *не* к одному из этих слов равносильно замене на слово с противоположной презумпцией и, следовательно, не дает возможности получить из предложения со значением ‘X’ предложение со значением ‘Неверно, что X’: *Я ждал не больше двух часов* = ‘Я ждал около двух часов, и это мало’.

Презумпция не сохраняется, а меняется на противоположную.

Понятие презумпции позволяет объяснить, почему не имеют соответствующих грамматически отрицательных предложения со словом *почти* (ср. [24]):

(11) а. *Он решил почти все задачи* = ‘Он решил не все задачи, по осталось немного’

б. *Он почти закончил работу* = ‘Он не закончил работу, но осталось немного’.

Семантическое представление предложения с *почти* представляет собой конъюнкцию из двух элементов, из которых ни один не является презумпцией.

Поэтому предложения *Неверно, что (11а)* и *Неверно, что (11б)* неоднозначны: неясно, отрицается ли первый конъюнктивный член или второй. Так, *Неверно, что (11а)* = ‘То ли он решил все задачи, то ли не решил многих задач’; *Неверно, что (11б)* = ‘То ли он закончил всю работу, то ли ему много осталось до конца’.

С презумпциями связано широко обсуждавшееся в литературе понятие сочетаемостной характеристики (selectional feature, см. Катц — Фодор [44], Хомский [40]). Это понятие было предложено для описания важного явления, состоящего в том, что нормальное употребление данного слова (предиката) часто предполагает наличие некоторой семантической характеристики у синтаксически связанного с ним слова (актанта); такими ожидаемыми семантическими характеристиками актантов могут быть, например, «одушевленность», «неодушевленность», «мужской пол», «женский пол», «промежуток времени» и т. д. Соответственно, сочетаемостными характеристиками предикатов будут: требование одушевленности, мужского пола и проч. Ср. аномальность фразы *The boy frightens sincerity*, возникшую из-за употребления слова *frightens* в контексте, не соответствующем его сочетаемостным характеристикам. Впрочем, как показал Вейнрейх [26], для возникновения нормального сочетания достаточно не наличия у актанта данной семантической характеристики, а отсутствия противоположной: при образовании сочетания предикат всегда как бы индуцирует у актанта соответствующую характеристику (если тот не имеет ее сам по себе). Так (пример Вейнрейха), английское прилагательное *pretty* имеет сочетаемостную характеристику <неодушевленный> или <одушевленный + женский пол>. Поэтому сочетание *pretty girl* (где *girl* имеет семантическую характеристику «одушевленный», «женский пол») нормально; сочетание *pretty children* тоже нормально: при образовании словосочетания в толкование слова *children* добавляется семантическая характеристика «женский

пол»; и только сочетание *pretty man* аномально, так как слово *man* обладает противоположной характеристикой «мужской пол».

Механизм действия сочетаемостных ограничений такого типа, т. е. ограничений, поддающихся семантической интерпретации, может быть описан с помощью понятия презумпции: в состав толкования предиката входит схема презумпции, и семантическая нормальность сочетания данного слова с некоторым другим определяется тем, насколько правдоподобна будет презумпция, получающаяся при подстановке конкретного актанта на место переменной в этой схеме. Так (пример из [42]), предложение *Мой пылесос надо мной издевается* осмысленно, если понимать его как содержащее презумпцию одушевленности пылесоса, порожденную одним из компонентов толкования предиката *издевается*, у которого слово *пылесос* является актантом. Таков общий механизм персонификации неодушевленных объектов в контексте предиката, который требует одушевленных актантов (ср. *Долины спят; Даль пугается* и т. д.).

Фактически никаких принципиальных различий между презумпциями в толкованиях слов, рассмотренными в примерах 1—3, и презумпциями, которые соответствуют так называемым сочетаемостным характеристикам, нет: последние просто являются презумпциями самого общего вида, повторяющимися в значении многих слов (ср. понятие категориальной презумпции в [27] — презумпции о том, что аргумент входит в область применимости предиката). Ниже следуют некоторые примеры презумпций такого рода.

Пример 4. В предложении *Ивлин женится на Джо* одни только категориальные презумпции слова *жениться* позволяют заключить, что Ивлин — мужчина, а Джо — женщина (ср. английский глагол *to marry*, лишенный таких признаков, и неоднозначность соответствующего английского предложения). Оба эти заключения входят в семантическое представление этого предложения в качестве презумпций.

Пример 5. Как уже говорилось, многие предикаты — глаголы, прилагательные и предикативы, — вводящие придаточное дополнительное (*знает, сожалеет, удивляется, огорчен, рад* и т. д.) или придаточное — подлежащее (*доказывает, свидетельствует* и т. д.), имеют презумпцию истинности суждения, выражаемого придаточным предложением, [11]. Такие предикаты естественно назвать предикатами с презумпцией факта или, иначе, фактивными (ср. термин *factive* в [11]). Ср. (12а) и (12б):

(12) а. *Он знает, что мы вернулись;*

б. *Он думает, что мы вернулись.*

Предложение (12а) с глаголом *знать* имеет презумпцию *Мы вернулись*; а предложение (12б) с глаголом *думать* не имеет такой презумпции. Отрицание предложения (12а) дает предложение (12а') *Он не знает, что мы, вернулись*, с той же презумпцией *Мы вернулись*.

Различие между фактивными предикатами (типа *рад*) и нефактивными (типа *думает*) может проявляться и в их синтаксическом поведении. Ср.:

(13) \neg (*Я рад, что он уезжает*) = *Я не рад, что он уезжает*;

(14) \neg (*Он решил, что уедет*) = *Он не решил, уедет он или нет.*

Отсутствие презумпции истинности суждения, выражаемого в придаточном, делает необходимым преобразование придаточного в (14), невозможное, например, для (13). См. другие факты такого рода в [11].

Семантическое противопоставление по наличию/отсутствию презумпции истинности возможно не только в придаточных предложениях, но и в номинализованных конструкциях:

(15) *Она знает искренность ваших намерений* (презумпция: *Ваши намерения искренни*);

(16) *Она верит в искренность ваших намерений* (нет такой презумпции).

Есть глаголы, различающиеся по смыслу ровно тем, что у одного в толкование, входит презумпция истинности подчиненного предложения, у другого — презумпция ложности, а у третьего не входит ни та ни другая:

(17) а. *Он понимает, что его обманывают;*

б. *Он воображает, что его обманывают;*

в. *Он думает, что его обманывают.*

Предложение (17а) имеет презумпцию (17') *Его обманывают*. Действительно, если говорящий не считает (17') истинным, он должен сказать не (17а), а (17б).

Если фактивный глагол не обозначает актуального действия или состояния, отнесенного к определенному моменту или периоду (например, если он употребляется в сослагательном наклонении, будущем времени, при модальном глаголе или в контексте общности), то входящая в его толкование презумпция может подавляться (аналогичное подавление презумпции существования — в примере (2") из § 3.1). Ср. (18а) и (18б):

(18) а. *Его отказ от игры не способствовал росту популярности шахмат;*

б. *Его отказ от игры не будет способствовать росту популярности шахмат.*

Предложение (18а) имеет презумпцию 'Он отказался от игры', и глагол *способствовать* фактивный; однако (18б) имеет два понимания — с презумпцией и без: а) 'То, что он отказался от игры, не будет способствовать росту популярности шахмат' б) 'Если он откажется от игры, это не будет способствовать росту популярности шахмат'.

Классификация глаголов и прилагательных с точки зрения презумпций, связанных с их сентенциональными актантами (т. е. актантами, выраженными придаточными — подлежащими и дополнительными, инфинитивами и номинализированными группами), приводится Карттуненом [16]. Помимо фактивных предикатов — таких, что если предложение S с этим предикатом содержит семантический компонент P , то и $\neg S$ содержит P , — обнаруживаются имплицативные — для которых S содержит P , а $\neg S$ — $\neg P$ (ср. *Ему удалось решить задачу* \supset *Он решил задачу*; *Ему не удалось решить задачу* \supset *Он не решил задачу*); предикаты отрицательной импликации — S содержит $\neg P$, а $\neg S$ — P (ср. *Он забыл закрыть дверь* \supset *Дверь не закрыта*; *Он не забыл закрыть дверь* \supset *Дверь закрыта*); условные — S содержит P , а $\neg S$ не содержит ни P , ни $\neg P$ (ср. *Он заставил меня остаться дома* \supset *Я остался дома*; *Он не заставил меня остаться дома* $\not\supset$ *Я остался дома* и $\not\supset$ *Я не остался дома*) и др. Таким образом, кроме презумпций и утверждений существуют смысловые компоненты менее определенной природы, см. [43].

Заметим, что анализ глаголов последней группы, скорее всего, неточен. Предложение *Он не заставил меня остаться дома* при нормальном его употреблении (т. е. без эмфазы и вне контекста противопоставления) имеет семантический компонент 'Я не остался дома'. Понимание, при котором этот компонент исчезает, требует эмфазы или противопоставления. Между тем в контексте противопоставления возможны какие угодно сдвиги логических акцентов и утрата презумпций, ср. пример Филлмора [9]: слово *escape* в контексте противопоставления — *I didn't ESCAPE from the prison; they released me* 'Я не убежал из тюрьмы; меня освободили' — утрачивает свою презумпцию 'х был удерживаем силой'; или пример из [10]: слово *pretend* при произнесении с эмфатической интонацией теряет презумпцию 'Событие X не имеет места', как в предложении *He doesn't PRETEND to be ill* со значением 'Он не притворяется больным <а на самом деле болен>'.

З а м е ч а н и е. Наряду с предикатами, у которых презумпция истинности суждения в подчиненном предложении (или ее отсутствие) является сочетаемостной характеристикой, заслуживают внимания и такие, для которых возможно смысловое противопоставление (см. [32]). В семантических представлениях с этими предикатами суждению в подчиненном компоненте может соответствовать или не соответствовать презумпция истинности, что является единственным источником смысловых различий. В синтаксической структуре это смысловое различие может быть выражено противопоставлением придаточного предложения и инфинитивного оборота:

(19) *Глупо, что вы беретесь за эту работу;*

(20) *Глупо вам братья за эту работу.*

Предложение (21) омонимично, т. е. допускает два понимания, различающиеся в точности наличием/отсутствием презумпции истинности суждения, соответствующего инфинитивному обороту:

(21) *Глупо было вам братья за эту работу.*

Наличие/отсутствие презумпции истинности может служить одним из средств достижения однозначности при соотнесении местоимений с антецедентом (речь идет о местоимении *это*). Так, предложение (22б), в отличие от (22а), аномально:

(22) а. *Все говорят, что она уехала, но Иван в этом сомневается;*

б. [?] *Она уехала, но Иван в этом сомневается.*

Причина аномальности предложения (22б) состоит в том, что на местоимение *это* (точнее, на его субститут) переходит индуцированная глаголом *верить* снятая утвердительность (термин Вейнрейха [41]), в результате чего оно не может иметь антецедентом предикатную группу с утвердительной модальностью. Ср. различную соотнесенность с антецедентом, каждый раз однозначную, у местоимения *это* в предложениях (23а) и (23б) (так что местоимение и антецедент согласованы по модальности)⁸:

(23) а. *Иван считает, что она красива; а я этом сомневаюсь (в этом = в том что она красива);*

б. *Иван считает, что она красива; а я этому рад (этому = тому, что он так считает).*

Примеры (24), (25) (взяты из работ [10], [45]), в которых антецедентом местоимения *это* при фактивных глаголах *сожалеть*, *знать* служит предикатная группа без утвердительной модальности, объясняются тем, что при переводе этих глаголов в сослагательное наклонение происходит подавление презумпции:

(24) *Если бы я пропустил вчерашний доклад я бы сожалел об этом;*

(25) *Не может быть, чтобы он был в Москве и я <бы> об этом не знал.*

Более сложной является семантическая структура предложения (26), где, казалось бы, согласование модальностей у субститута и антецедента нарушается (субститут имеет презумптивную модальность, а антецедентом является предложение в сослагательном наклонении):

(26) *Если он и бил свою жену, то теперь перестал <это делать>.*

Скорее всего это предложение следует рассматривать как результат эллиптического преобразования: (26) синонимично (26') *То ли он бил свою жену и перестал <это делать>, то ли не бил вообще.*

Пример 6. Категориальные презумпции, аналогичные глагольным, есть и у некоторых союзов.

В сложноподчиненном предложении с союзом *потому что* и с фразовым ударением на *потому* главному предложению соответствует презумпция; если же в главном предложении есть фразовое ударение, то главное предложение содержит отдельное утверждение (придаточному в обоих случаях соответствует утверждение):

(27) а. Он уехал потому ↗, что устал;

б. Он уехал ↗, потому что устал.

⁸ Примеры этого типа известны автору от Ю. А. Здорова (устное сообщение).

Соответственно, предложение (27а) имеет естественное отрицание, а предложение (27б), содержащее два утверждения, не имеет: $\neg(27а) = \neg(Он уехал потому, что устал) = Он уехал не потому, что устал$.

Семантическое различие между союзами *если* и *поскольку* (= раз) состоит в точности в том, что в предложении с *поскольку* придаточному соответствует презумпция, а в предложении с *если* придаточное служит только для называния некоторой ситуации, без утверждения о том, что эта ситуация имеет место (см. анализ этого соотношения у Фреге [1]):

(28) *Раз он туда ходил, он много узнал;*

(29) *Если он туда ходил, он много узнал.*

Отрицанием для предложений с *поскольку*, *раз* служит предложение с *хотя*, отрицающее причинную связь, но сохраняющее презумпцию: $\neg(28) = (28')$ *Хотя он туда ходил, он не много узнал.*

Ряд интересных проблем связан с союзами *прежде чем*, *до того как* (англ. *before*). Г. Лаков [10] выделил у этих союзов два значения, различающихся тем, что при одном значении в семантическое представление предложения входит презумпция ' S_2 ', (где S_2 — придаточное предложение), а при другом — ' $\neg S_2$ ' ср.:

(30) *Мери купила себе джинсы прежде, чем они подорожали* (презумпция: 'Джинсы подорожали');

(31) *Джон съел мороженое прежде, чем оно растаяло* (презумпция: 'Мороженое не растаяло').

Как показано, однако, в работе Хейнемеки [46], в предложениях типа (31) компонент ' $\neg S_2$ ' не может быть назван презумпцией в соответствии с общепринятыми определениями, поскольку при отрицании предложений типа (31) компонент $\neg S_2$ из семантического представления исчезает:

(31') $\neg(Джон съел мороженое прежде, чем оно растаяло) \supset$ *Мороженое растаяло;*

(32) $\neg(Она ушла с работы прежде, чем разобралась в существе дела) \supset$ *Она разобралась в существе дела;*

(33) $\neg(Мери умерла прежде, чем успела закончить свою автобиографию) \supset$ *Мери успела закончить свою автобиографию;*

(34) $\neg(Он сломал себе шею прежде, чем научился осторожности) \supset$ *Он научился осторожности.*

Хейнемеки полагает, что значение союза *прежде, чем* остается везде одно и то же: ' $t(S_1) < t(S_2)$ ', где $t(S)$ — время события, описываемого предложением S , а возникновение компонента ' $\neg S_2$ ' в (31) объясняется действием правил смысловой импликации: в некоторых случаях из того, что $t(S_1) < t(S_2)$, можно заключить, что событие, описываемое в S_2 , не имело места; например, мороженое не может растаять после того, как оно съедено; Мери не может закончить автобиографию после того, как она умерла, и т. д.

По-видимому, в большинстве предложений с *прежде, чем* смысловые компоненты ' S_1 ', и ' S_2 ' оба являются презумпциями, а утверждается только компонент ' $t(S_1) < t(S_2)$ ', который и подвергается отрицанию:

(35) $\neg(Джон ушел прежде, чем пришла Мери) =$ 'То ли Мери пришла прежде, чем ушел Джон, то ли это было одновременно'.

Другой класс предложений имеет компонент ' S_1 ' утверждением и, соответственно, иначе ведет себя при отрицании:

(36) $\neg(Он торговал холодильниками до того как приехал в Исландию) =$ 'Он не торговал холодильниками до того как приехал в Исландию'.

3. Презумпции, соответствующие актуальному членению предложения

Как уже говорилось в § 2, различие в актуальном членении предложения (в частности, в интонировании) является в семантическом отношении противопоставлением по наличию/отсутствию прагматической презумпции; ср. примеры (1), (2) аналогичные примеру (1) из § 2 (в (1а) и (2а) придаточному соответствует прагматическая презумпция, а в (1б) и (2б) ее нет):

- (1) а. *Он рад ↘ тому, что пришли гости;*
 б. *Он рад тому ↗, что пришли гости ↘;*
 (2) а. *Он понял ↘, что мне не нравится его предложение;*
 б. *Он понял ↗, что мне не нравится ↘ его предложение.*

Поскольку семантика актуального членения касается противопоставления известного и нового, здесь уместно именно понятие прагматической, а не семантической презумпции. Действительно, в (1), например, семантическая презумпция 'Пришли гости' входит как в (1а), так и в (1б) и не может служить объяснением их интонационных различий. Впрочем, в некоторых предложениях прагматические презумпции, определяемые актуальным членением совпадают с семантическими. Ср. (3) и (4):

- (3) *Иван разбил чашку;*
 (4) *Это Иван разбил чашку.*

Предложение (4), в отличие от (3), имеет семантическую презумпцию (4') *Кто-то разбил чашку.* Действительно,

Неверно, что (4) = Это не Иван разбил чашку ⊃
Чашку разбил кто-то другой ⊃
Кто-то разбил чашку,

т. е. (4') является смысловым компонентом (4) и его отрицания (поэтому в ситуации, когда нет разбитой чашки, (4) неуместно, а (3) просто ложно). И то же (4') является прагматической презумпцией (4).

Однако достаточно часто семантические противопоставления, возникающие при изменении интонационного рисунка, не могут быть адекватно выражены даже и с помощью понятия прагматической презумпции. Например, предложения (5а) и (5б) различаются актуальным членением, а прагматические презумпции (поскольку они, в соответствии с определением 3, должны быть истинными предложениями) как в (5а), так и в (5б) отсутствуют:

- (5) а. *Я уверен ↗, что есть столовая ↘;*
 б. *Я уверен ↘, что там есть столовая.*

Аналогично в предложениях (6а) и (6б):

- (6) а. *Иван делает вид ↗, что у него мировая скорбь ↘;*
 б. *Иван делает вид ↘, что у него, мировая скорбь.*

(6а) и (6б) имеют разное актуальное членение, но не различаются по семантическим презумпциям: оба имеют семантическую презумпцию (6') 'У Ивана нет мировой скорби'. Едва ли, однако, их можно различить прагматическими презумпциями: прагматической презумпции (6') у (6б), скорее всего, нет. Так, для возникновения у (6б) данного интонационного рисунка достаточно знакомства слушателя с идеей мировой скорби Ивана безотносительно к тому, имеет ли она место, ср. следующий диалог: *Правда ли, что у Ивана мировая скорбь? — Нет. Иван делает вид ↘, что у него мировая скорбь.*

4. Проблема наследования презумпций

Одна из важных проблем, связанных с понятием презумпции, состоит в том, всегда ли презумпция предложения *S* является презумпцией предложения (или текста) *Q*, включающего *S* в свой состав [35, 45, 30]. Правила вычисления презумпций предложения *Q* из презумпций предложения *S* можно назвать правилами наследования презумпций (projection of presuppositions). В сущности, определение 2 является элементарным правилом наследования презумпций для случая, когда $Q = \uparrow$

S; оно состоит в том, что все презумпции *S* в *Q* сохраняются. Аналогичное правило может действовать и в других случаях. Так, в предложении (1) *I am not pretending I don't know he is rich* 'Я не делаю вид, что я не знаю, что он богат' компонент 'He is rich' является не только презумпцией компонента 'I know he is rich', который является презумпцией предложения (1), но и презумпцией самого предложения (1).

С другой стороны, презумпция предложения *S* может «погашаться» за счет какого-то другого семантического компонента в составе *Q*. Так, предложение (2) *Я тоже поеду в Калугу* имеет презумпцию 'Кто-то поедет в Калугу' между тем, предложение (3) *Когда вы поедете в Калугу, я тоже поеду <в Калугу>*, в состав которого входит (2), этой презумпции не имеет.

Некоторые правила, позволяющие «вычислять» презумпции целого на основе презумпций частей, приводятся Карттуненом [30].

Пример (4) обнаруживает другой аспект проблемы наследования презумпций: (4) *Странно, что пришли только малыши*.

Предложение (4') *Пришли только малыши* имеет два семантических компонента: а) 'Малыши пришли' <презумпция>; б) 'Больше никто не пришел' <утверждение>. Аргументом предиката *странно* является, однако, только компонент б), утверждение; действительно, (4) = 'а) Малыши пришли; б) Странно, что больше никто не пришел'. Компонент а), составляющий, по правилам наследования, презумпцию не только (4'), но и (4), не входит в сферу действия главного предиката в (4), ср. [17].

Другой пример приводит Лангендун [13]: в предложениях (5) *Он справедливо обвиняет Ивана в поверхностном отношении к людям* и (6) *Он справедливо осуждает Ивана за поверхностное отношение к людям* сферой действия обстоятельства справедливо является в каждом случае только утверждение (т. е. (5) означает 'Он справедливо считает, что Иван поверхностно относится к людям', а (6) — 'Он справедливо считает, что поверхностное отношение к людям дурно').

Из этих примеров следует, что свойство презумпций не подвергаться отрицанию является лишь частным проявлением более общего их свойства — не входить в сферу действия операторов, применяемых к предложению. Это поведение презумпций, однако, непоследовательно: одни презумпции инвариантны не только относительно отрицания, но и всех изменений модальности, тогда как для других это не так. Например, 'Иван уехал' является в примере (7) смысловым компонентом у всех предложений (а) — (г), а в (8) — только у (а) — (в):

- (7) а. *Он рад тому, что Иван уехал;*
б. *Он не рад тому, что Иван уехал;*
в. *Он рад тому, что Иван уехал?*
г. *Кажется, он рад тому, что Иван уехал;*
- (8) а. *Только Иван уехал;*
б. *Не только Иван уехал;*
в. *Только Иван уехал?*
г. *Кажется, только Иван уехал.*

* * *

Итак, понятие презумпции имеет непосредственное отношение к следующим, на первый взгляд различным, семантическим задачам: 1) выявление скрытых (имплицитных) компонентов в значении языковых единиц (слов, грамматических категорий, синтаксических конструкции, линейно-интонационной структуры); 2) отличие семантически аномального предложения от ложного, объяснение источников семантических аномалий, объяснение механизмов «косвенного» осмысления аномальных сочетаний (в условиях метафоры и проч.); 3) предсказание

поведения предложения при трансформации отрицания и других преобразованиях, связанных с изменением модальности. Понятие презумпции вносит ясность в постановку этих задач и способствует их решению. Тем самым понятие презумпции открывает пути более полного моделирования способностей человека извлекать информацию, содержащуюся в языковом тексте.

Понятие презумпции основано на таком подходе к семантическому анализу, при котором смысл предложения членится, в первую очередь, на сентенциональные компоненты, и показывает возможности еще более широкого применения этого подхода — в частности, распространения его на актуальное членение.

Опасность, связанная с понятием презумпции, состоит, однако, в том, что получив широкое распространение, оно имеет тенденцию использоваться в расширительном смысле, хотя в действительности часто имеются в виду разные понятия, не эквивалентные между собой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Frege G. On sense and reference. — In: *Translations from the philosophical writings of Gottlob Frege*. Eds. P. Geach, M. Black. Oxford, 1952 (см. русский перевод: Г. Фреге. Смысл и денотат. Наст, сб., с. 181).
2. Strawson P. F. *Introduction to logical theory*. L., 1952.
3. W. Sellars. Presupposing. — «*Philosophical review*», 1954 63 № 2.
4. Fraassen B. C Van. Presupposition, implication and self-reference. — «*Journal of philosophy*», 1968, 65, pp. 136—152.
5. Nehrlich G. Presupposition and entailment. — «*American philosophical quarterly*», 1965, 2, № 1.
6. Kempson R. M. *Presupposition and the delimitation of semantics*. Cambridge, 1975.
7. Ducrot O. La description linguistique des énoncés français et la notion de présupposition. — «*L'Homme*», 1968, № 1.
8. Bellert I. O pewnym warunku spójności textu. — «*O spójności textu*». Wrocław—Warszawa—Kraków, 1971.
9. Fillmore Ch. Types of lexical information. In: F. Kiefer (ed.) — «*Studies in syntax and semantics*». Dordrecht—Holland, 1969.
10. Lakoff G. Linguistics and natural logic. — «*Studies in generative semantics*», 1970, № I.
11. Kiparski P., Kiparski C. Fact. — In: M. Bierwisch, K. E. Heidolph (eds.) *Progress in linguistics*. The Hague, 1970.
12. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике. — «*ИАН ОЛЯ. Серия литературы и языка*. 1973, 32, № 1.
13. Langendoen T. D. Presupposition and assertion in the semantic analysis of nouns and verbs in English. — In: D. D. Steinberg, L. A. Jakobovits (eds.). *Semantics. An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology*. Cambridge, 1971.
14. Янко Т. Е. Некоторые лексические и грамматические явления, связанные с трансформацией отрицания в русском языке. [Дипломная работа, МГУ] 1976.
15. Jakobson R. On linguistic aspects of translation. — In: R. A. Brower (ed). *On translation*. Cambridge, Mass., 1955.
16. Karttunen L. The logic of English predicate complement constructions (prepr. Indiana University Linguistics Club, November, 1971).
17. Keenan E. L. Two kinds of presuppositions in natural languages. — «*Foundations of language*», 1971, 7, pp. 255—284.
18. Stalnaker R. S. Presuppositions. — «*Journal of philosophical logic*», 1973, 2, pp. 447—451.
19. Успенский В. Предисловие «От редактора перевода» к книге: А. Черч. Введение в математическую логику. Т. I. М., «Мир», 1960, [Пер. с англ.]

20. Urquhart A. A semantic theory of analytic implication. — «Journal of philosophical logic», 1973, 2, pp. 212—219.
21. Horn L. R. A presuppositional analysis of *only* and *even*. — In: R. J. Binnick (ed.). Papers from the V—th regional meeting Chicago linguistic society. Chicago, 1972.
22. Garner Q. «Presupposition» in philosophy and linguistics. — In: Ch. Fillmore, T. Langendoen (eds.). Studies in linguistic semantics. N. Y., 1971.
23. Ильин Г. М. О понятии «семантическая правильность». — «НТИ», сер. 2, 1973, № 9.
24. Падучева Е. В. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке. В кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 12. М., 1969.
25. Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В. Значение и синтаксические свойства союза *a*. — «НТИ», сер. 2, № 9, 1974.
26. Weinreich U. Explorations in semantic theory. — In: Current trends in linguistics. III. The Hague, 1966.
27. Martin R. L. (ed.) The paradox of the liar. New Haven, London, 1970. Editor's introduction.
28. Schmerling S. F. Presupposition and the notion of normal stress. In: Papers from the VII—th meeting of Chicago linguistic society. Chicago, 1971.
29. Hutchinson L. G. Presupposition and belief—inference. Там же.
30. Karttunen L. Presupposition and linguistic context. — «Theoretical linguistics», 1974, 1, № 1/2.
31. Smiley T. Sense without denotation. — «Analysis», 1960, 2, pp. 125-135.
32. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974.
33. Reichenbach H. Elements of symbolic logic. N. Y., 1948.
34. Rivéro M. L. Moods and presuppositions in Spanish. — «Foundations of language», 1971, 7, № 3.
35. Langendoen T. D., Savin H. B. The projection problem for presuppositions. — In: Ch. Fillmore, T. Langendoen (eds). Studies in linguistic semantics. N. Y., 1971, pp. 55—61.
36. Работы сотрудников Лаборатории машинного перевода I МГПИИЯ. — В кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М., 1964.
37. Вежбицка А. наброски к русско-семантическому словарю. — «НТИ», сер. 2, 1968, № 12.
38. Sapir E. Grading. — In: Selected writings of E. Sapir in culture, language and personality. Selected essays ed. by D. G. Mandelbaum. Berkeley—Los Angeles, 1956.
39. Жолковский А. К. Работы Сэпира по структурной семантике. — В кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8, М., 1964.
40. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, Mass., 1965 (русск. перев.: Н. Хомский. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972).
41. Вейнрейх У. О семантической структуре языка. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 5, М., 1970.
42. Lakoff G. Presuppositions and relative grammaticality. — Reports to National Science Foundation, NSF-24, Cambridge, Mass., 1970.
43. E. Hajičová. Some remarks on presuppositions. — «The Prague bulletin of mathematical linguistics», 1972, 17.
44. Katz J. J., Fodor J. A. The structure of a semantic theory. — «Language», 1963, 39, pp. 170—210.
45. Morgan J. L. On the treatment of presupposition in transformational grammar. — In: Papers from the V — th regional meeting Chicago linguistic society. Chicago, 1969.
46. O. Heinämäki. BEFORE. — In: Papers from the VIII-th regional meeting Chicago linguistic society. Chicago, 1972.